

ЗИНАИДА ГИППИУС

СЛЕЗИНКА
ПЕРЕДОНОВА (ТО,
ЧЕГО НЕ ЗНАЕТ
Ф.СОЛОГУБ)

Зинаида Николаевна Гиппиус Слезинка Передонова (То, чего не знает Ф.Сологуб)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25911315

Аннотация

«Как-то раз, – давно, – рассуждая о рифмах, мы открыли, что самые глубокие слова русские – «одинокы», безрифменны. Одинока «правда», одинока «истина». Брюсов тут же вызвался написать стихотворение с рифмой на «истину» и действительно написал свое...»

Зинаида Гиппиус

Слезинка Передонова (То, чего не знает Ф.Сологуб)

Как-то раз, – давно, – рассуждая о рифмах, мы открыли, что самые глубокие слова русские – «одинок», безрифменны. Одинока «правда», одинока «истина».

Брюсов тут же вызвался написать стихотворение с рифмой на «истину» и действительно написал свое:

Неколебимой истине
Не верю я давно,
И все моря, все пристани
Люблю, люблю равно... и т. д.

Стихотворение прекрасное; и замечательно оно тем, что нигде, кажется, Брюсов не выразил себя с такой точностью, яркостью и верностью. Это так, но тем не менее рифма на «истину» оказалась очень несовершенной.

Мне более посчастливилось. Правда, стихотворение мое было полушутливое, не для печати; давно позабылось, и вспоминаю я отрывочные из него строки вовсе не ради рифмы (хотя и ради истины), – а потому, что хочу поговорить о Ф. Сологубе, которому это стихотворение было посвящено.

...воду извлек,
Воду живую он из стены,
Но не увидел, мудрец и пророк,
Собственной истины...

Может быть, это даже и хорошо, что Ф. Сологуб не увидел сам своего героя Передонова («Мелкий бес») и относится к нему не так, как должно. Хорошо ли, дурно ли – меня сейчас это не занимает. Я констатирую лишь факт, что и автор, и публика, которой «Мелкий бес» очень понравился, поняли, восприняли Передонова совершенно одинаково, и еще – что такое восприятие естественно, понятно и просто. В предисловии ко второму, недавно вышедшему изданию романа автор как будто спорит с читателями о Передонове, но в сущности спор этот сводится к вопросу, о ком написан Передонов: о Ф. Сологубе или о его современниках. Читатели будто бы предполагали, что автор выставил в герое себя с покаянной целью; автор выясняет дело: «Нет, мои милые современники, это о вас я писал мой роман о Мелком Бесе и жуткой его Недотыкомке, об Ардалионе и Варваре Передоновых... О вас».

Обиженный читатель мог бы тут же поймать Сологуба: как же, мол, о нас, а не о себе, если вы сами объявляли много раз, что «нас» никаких нет, а есть только «Я», т. е. вы? Значит, и Передонов ваше же собственное «Я», об этом вашем «Я», о себе, вы и писали... Не отказывайтесь, пожалуйста...

Но мы не обиженные читатели и такой словесной ловлей

Сологуба не намерены заниматься. Как бы ни решать этот спор – о нас, о вас, о нем, о себе написан Передонов, – дело не меняется. Спор не по существу. «Мелкий бес» остается «сатирой», ядовитым клубком; это – магическое зеркало, обличающее недостатки... все равно каких людей, всех или почти всех, но обличающее. Кстати, и сам автор в предисловии упоминает о зеркале.

Ну вот, как искусное обличение скрытой передоновщины и был принят «Мелкий бес». Автор самолично подтверждает, что и сам так же относится к своему Передонову. Смотрите, люди; смотрите в это верное зеркало; содрогайтесь, отворачивайтесь, ненавидьте Передонова и... пожалуй, кайтесь, исправляйтесь, если можете. Автор морали не читает, правда, однако исправляться никому не возбраняется.

Нужно сказать, что этот первичный, обличительный и отворачивающий смысл романа и зеркальность Передонова я во все не отрицаю. Роман выдерживает требования и, с этой стороны, имеет свое значение и при таком понимании. Трудно, очень трудно пройти за его тройную черту, вглубь, туда, где не бывал, кажется, и сам отец Передонова и Недотыкомки. Но в конце концов нельзя не перейти.

Помню первое мое знакомство с Передоновым, много лет тому назад. Помню кипу синеньких ученических тетрадей из магазина Полякова, исписанных высоким, ясным почерком Сологуба. Их было очень много, но не перебрав все – невозможно было оставить чтение. В романе тогда попада-

лось еще много колючих резкостей, исключенных потом автором, – но Передонов стоял, как стоит: во весь свой рост. И – надо сказать правду! – первое мое впечатление было как раз то, которое теперь получают от романа почти все. Меня пленяла симфония духов и Людмилочка; меня ужасала отвратительная правда, живая грязь Передонова. Что может быть ненавистнее подлого дурака, сходящего с ума? Да, да, вот кого действительно стоит ненавидеть, и если в каждом из нас сидит этот безобразный дурак, который непременно сойдет с ума, – тем более его надо ненавидеть. Бескорыстно радовало искусство автора и корыстно волновала ненависть к живому Передонову. Вот это было и тогда: вера, что Передонов существует не только в нас где-то, частично, но что жив и живой, цельный, настоящий; нет сегодня – завтра будет, вчера был; словом, может быть.

Прошли годы. Передонов «явлен» в литературе несколько раз, – «Мелкий бес» печатался сначала в журнале, потом в отдельных изданиях. Но мне, со времени синеньких тетрадей, не пришлось перечитывать романа. Думалось, что я знаю Передонова, как знают его теперь и многие; о, конечно, это самый совершенный, самый отвратительный «образ зла». Как его не ненавидеть?

Открываю наконец книгу. Яркое предисловие автора готовит меня к знакомым чувствам. Я жду их – и читаю.

Вот он, грязный и тупой Ардалион, во всей своей пакости, гниленький и вонюченький, как-то даже не сходящий, а сле-

зающий с ума. Он неповоротливо лжет и плоско гадит. Его ненавидит не только читатель, но и все, кто с ним имеют дело: Варвара его обманывает, Людмила на него весело фыркает, директор морщится и содрогается... Передонову ничего не удастся, Недотыкомка сосет его, он чувствует, что тонет, что все против него... почему это – сумасшествие, что все против него? От этого можно сойти с ума, конечно, но это еще не сумасшествие, потому что действительно, действительно, – все и всё против него...

Странное, новое, еще без мысли, чувство к Передонову вдруг шевельнулось во мне. И менее всего оно было похоже на ненависть. Не печатные страницы рассказа о Передонове, а сам Передонов с озлобленным, серым лицом проходил мимо. Его живая жизнь шла передо мною. И мне захотелось непреодолимо, чтобы случилось не так, как случилось, чтобы Варвара не обманула его, чтобы директор не прогнал, чтобы Недотыкомка была поймана и убита. Нельзя не хотеть этого. Можно хотеть не хотеть, но все равно будешь хотеть. Кой черт тут «сатира», «воплощение зла», когда живой человек, вчерашний, завтрашний Ардалион Передонов находится в таком беспримерном, беспросветном несчастий! Перед его несчастьем все ужасы, так старательно нагроможденные Леонидом Андреевым, – просто бирюльки. У андреевского о. Фивейского сначала утонул ребенок, потом запила жена, потом родился идиот, потом жена сгорела вместе с домом, потом... что еще? он неестественно запсихопатил с мертвым

мужиком, побежал во время грозы по дороге и умер в пыли. (Молния, что ли, в него ударила?) Не касаясь даже того обстоятельства, что Фивейский сплошь выдуман, что мы в него не верим, а потому на него нам в высокой степени наплевать, – не касаясь даже этого, можем ли мы сравнить несчастье Фивейского с передоновским? Фивейский сделан для того, чтобы ему сочувствовали и жалели его, Передонов имеет еще справедливую ненависть и презрение всех. Страдает Иван Карамазов, но он умен, у него светлая сила духа; страдает баба в деревне, страдает повешенный на веревке, – но ведь они безвинны, кто-то их любит, чьему-то сердцу легко сжаться за них: страдает ребенок, «утирая кулачонками слезы», – но он прелестен, он дорог, он свят; не один Достоевский встанет с требованием оправдания слезинки такого ребенка, не один Иван Карамазов заступится за него. Во всяком страдании есть просветы; нет их у Передонова. Некому за него заступиться. Он уродлив, зол, грязен и туп; у него нет ничего, так-таки совсем ничего; и, однако, он создан, он есть, он «я»; он, подобно каждому, «для себя – первый и сам для себя все». Серое, медленно суживающееся кольцо охватило его, душит, а он ничего не может и ничего не имеет, кроме муки удушья.

Слезинка замученного ребенка, беды Василия Фивейского – все это еще в гранях человеческого понимания справедливости и несправедливости. Пожалуй, можно сказать с этой точки зрения, что Передонов терпит справедливо, что

он достоин своих мучений... И вот тут-то становится ясно, что всякое человеческое сердце шире справедливости; не справедливо передоновское несчастье, но как-то сверх-несправедливо. Необходимо нам оправдать «слезинку замученного ребенка», потому что надо знать: за что? почему? зачем?

Но так же необходимо, настоятельно необходимо мне оправдать и каждую слюнявую слезу Передонова, каждое его вздрагивание от Недотыкомки, каждый удар каблука по физиономии, который он «справедливо» получит от хорошего человека, каждый его визг и вопль в сумасшедшем доме, куда его непременно засадят. Если мы продолжаем жить в мире и даже любить мир, полный замученных детей и камней, которые завтра свалят на нашу голову, – то ведь потому лишь, что мы всему этому говорим наше «не хочу» и с упорной, инстинктивной надеждой ждем ответов на «зачем?» и «за что?»... Еще ярче встает наше «не хочу» перед несчастьем Передоновых, несчастьем сплошным и неслыханным. «Не хочу» не во имя справедливости, а во имя той сверхсправедливости, существование которой в человеке неоспоримо, природа которой – тайна и которую, пожалуй... можно назвать Любовью. Впрочем, это слово мало кому понятно.

За гранью чистой справедливости исчезает прямое понятие вины, человеческой виновности и невиноватости. Падает поэтому и вопрос «за что?». Мы уже не судим Передонова, мы покрыли его. И, покрыв, спрашиваем: «Как смел его

создать создавший его? И чем он ответит за него?»

Другое дело, конечно, если никакого Передонова не существует в действительности, если все это измышления талантливого беллетриста, если, попросту говоря, Передонов создан Сологубом. Не стоит к такому создателю Передонова обращаться с вопросами «как смел?..» и «отвечаешь ли ты за него?». Ясно, что Сологуб вывел его помимо желания, не знает его и нисколько за него не отвечает. Чувство ответственности за своего героя очень ярко в романе Сологуба. Он не любит его, и это еще раз подтверждает, что он не родил его, а только нашел и показывает. Покажу, а там хоть пропади. Покажу, а сам смотреть не желаю, очень мне нужно!

Спасибо, однако, и за то, что показал, напомнил тем, кому надо помнить. Что же, в самом деле, глаза-то закрывать? Кто осмелится сказать честно, твердо, что нет и не может быть в мире ни одного живого Передонова с его сплошным беспросветным передоиовским несчастьем, человека, нищего не духом только или чем другим, а нищего всем? Кто по совести скажет: «Ну уж эдакой-то беды с человеком никак не может случиться и не случилось никогда?»

Много детей замученных, много невинно и винно страдающих, вроде Карамазовых, Фивейских, – а Передоновых, беспросветно страдающих, нищих всем и проклятых всеми, – еще больше. Мы это знаем, только редко об этом думаем. А когда думаем, когда видим и чувствуем – мы перестаем презирать Передоновых, мы покрываем их и, покрыв,

спрашиваем: «Как Ты, создавший Передонова, смел создать его? Чем Ты ответишь за него? Скажи, нам нужно знать. Во имя любви – скажи: нам нельзя не знать».